

Кулема & Алекс Перул

Максимальное сближение

**Kulema &
Алекс Регул
Максимальное сближение**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22180809

Аннотация

Большое видится на расстоянии. Моя любовь была слишком большой, чтобы её увидел соседский парень. Ему пришлось улететь в Австралию, чтобы осознать и поверить в чувство знакомой с детства соседки. И понять, что лишь глупец бежит от счастья. Но напрасно он полагал, что я буду сидеть у окошка и преданно его ждать! Ред. Костенко Ольга

соавторство

Kuleta & Алекс Регул

Максимальное сближение

"Наши жизни, как орбиты. То мы вместе, то порознь. И тогда я в тоске. Ты в полёте. Пройдёт время, мы пойдём на сближение, встретимся и вновь разбежимся. Жаль, что однажды ты пролетишь мимо меня на бешеной скорости... поскольку не узнаешь. Перегораю я. Истлеваю до полного угасания.

А ты лети, лети моя большая белая птица. Я провожу тебя взглядом. Провожу и буду стараться выжить. Выжить, чтобы ещё хоть раз увидеть тебя на горизонте. Увидеть, как ты летишь в мою сторону. Не ко мне. Просто, в мою сторону".

(из сожженного письма)

– Алло, Юля. Привет. Это Максим. Я сегодня приобрёл сотовый и вот звоню тебе. Так что если возникнет необходимость, звони мне. Это мой номер.

– Здравствуй, Максим. Неожиданно, конечно. Хорошо. Буду знать, что у тебя теперь есть сотовый.

– Юль, расскажи, что вчера произошло?

– Банальная женская истерика.

– А подробностями со мной поделишься?

– Максим... ты только ради этого позвонил?

– Нет. Я хотел пригласить тебя сегодня в кафе.

– У меня совершенно нет желания куда-либо идти.

– Юль, мне нужно с тобой поговорить. У меня к тебе предложение. Просьба. Но это не телефонный разговор.

– Ладно. Говори, где и когда?

– Кафе «Абажур». Восемь вечера.

– До встречи.

Я отложила сотовый и, присев на диван, накрыла ладонями лицо. Как же меня измучил этот голос... и тот, кому он принадлежал.

А вечером в кафе я вновь его услышала:

– Привет.

– Привет, – ответила я и даже улыбнулась.

Он, конечно, не заметил вымученность этого жеста. Это, как рефлекс. Вижу и улыбаюсь. Глупо? Я знаю. Но уже устала с этим уродством бороться.

– Присаживайся. Что для тебя заказать?

– Зелёный чай, – уже присев напротив него, сказала я.

– И десерт, на мой вкус? – а вот он улыбается искренне.

Даже его голубые глаза, мне улыбаются. Мне ли? Просто он приятный воспитанный мужчина, вот и улыбается. Так сказать, улыбается тоже на автопилоте.

– Нет. Только чай. Так, о чем ты хотел поговорить?

– Я хочу тебя попросить об одной услуге, – его взгляд изменился. – Понимаешь, меня Илья пригласил поехать за го-

род на выходные. База отдыха «Мужской каприз». Рыбалка, костерок, шашлычки. И вот я предлагаю тебе поехать со мной. Ты же знаешь мою ситуацию со Светой. А ехать одному не хочется. Буду там, как белая ворона. Один. Все парами, и только я... Поедешь со мной? Мне-то и обратиться больше не к кому.

– То есть ты просишь меня сопровождать тебя? Я правильно поняла? – голос мой дрогнул.

Быть равнодушной не смогла. А так хотелось.

– Да, – в его голосе полнейшее спокойствие.

– Мой ответ – нет. Я не поеду.

– Почему ты отказываешься выручить меня?

– Почему-почему? – я поднялась из-за столика и, посмотрев по сторонам, постаралась выровнять дыхание. – Действительно, почему? Странно, да?

Взглянула ему в глаза и улыбнулась. Теперь искренне улыбнулась. Ведь мне действительно было весело. Смешно. Хотелось смеяться над собой.

И всё же я твёрдым голосом сказала:

– Нет, значит, нет. И мой ответ не изменится.

– Юль, почему? У тебя дела? Я прошу мне помочь, это действительно важная для меня поездка. Там будут все мои друзья.

– Да, да. Для ТЕБЯ это очень важно.

Возможно, он даже не расслышал мои слова, ведь я уже выходила из кафе. Однако уйти сразу не удалось. Максим

догнал на улице и, схватив за руку, развернул к себе.

– Почему? – повторил он.

Пришлось объяснять:

– Ты хотел мною заменить свою Свету. Светы нет, а я всегда где-то рядом. Как удобно. Правда? И ты решил, что я буду прыгать от счастья, получив возможность потереться возле тебя на этом сраном кемпинге? А вот, не хочу я быть временной заменой. Ты ведь не меня приглашаешь за город, ты просто мной заменяешь Свету. Но своим предложением ты меня отрезвил. Представляешь, на меня снизошло озарение! С опозданием, а всё же снизошло. Спасибо. А-то я уже нафантазировала... в очередной раз. Как говорится: «За время пути, собачка смогла подрасти». Всё! Поздравляю! Я, наконец-то, подросла. Прости, прощай. Меня ждут другие отношения. Нормальные.

Выдернув свою руку из хватки Максима, пошла в сторону дома. На душе было тошно и хотелось выть.

Лишь об одном жалела – что не взяла с собою зонт.

Дождик плакал за меня и его слёзы падали крупными тёплыми каплями летнего дождя.

– Стой! Подожди! – слышу вновь голос Максима.

Но не останавливаюсь. Его голос больше не властен надо мной.

Максим меня догнал, преградил путь и снова в меня вцепился.

– Прости, я оплошал. Я не хотел, чтоб всё так вышло. Я

приглашаю ТЕБЯ. Поедем?

– Поздно. Слишком поздно, мой драгоценный старый друг. Прощай.

Осторожно освобождаюсь из мужских рук и по-дружески хлопаю Максима по плечу. Всё. Теперь он уже не будет меня преследовать. Он растерян. Он остался стоять, а я спешно его покидаю. Бегу по мокрому тротуару. И для меня Максим больше не преграда.

На улице темнело. Становилось холодно. А я всё бежала, бежала. По лужам. Под дождём. И не могла остановиться. Мимо дома, мимо соседнего дома. Ноги меня несли прочь. Прочь от Максима. От той болезненной зависимости, в которой была долгие годы. Возможно, всю сознательную жизнь.

И лишь добежав до фонтана, что был в парке, в нескольких кварталах от моего дома, я остановилась. И пока не отдышалась, думала обо всём и ни о чём одновременно. По лицу давно текли слёзы. Они смывались дождём.

Я достала из сумочки телефон, и набрала сообщение:

«Ты мне больше не нужен!»

Больше мне ему нечего сказать.

Через секунду получателю «МАКСИМ» с моего телефона ушло послание.

Ну, вот и всё.

Стою, смотрю, как капли дождя соединяются со струями фонтана, и думаю, какой же наивной душой была все эти годы. Воспоминания нахлынули, я отогнать их уже не могла.

Теперь я и Максим лишь в прошлом. Я не буду искать с ним встреч. Мои слёзы не будут о нём. И в мечтах его тоже не будет. Нужно лишь время, чтобы забыть весь этот кошмар. Забыть его.

Нельзя, нельзя было столько лет сходить с ума.

Нельзя...

Много-много лет назад, когда нам было лет по 18...

Была зима. Мы с Максимом возвращались со дня рождения Ильи, нашего общего друга. Падал снег. Снежинки крупные. Наверное, только в ту ночь были такие крупные снежинки. И вот я шла, смотрела на них и понимала, что время ускользает. Секунды, словно снежинки, пролетают мимо меня и исчезают.

Максим идёт рядом. Да, он пока рядом. И эта близость, это единственное, что есть и было у меня. Ведь он уже давно не тот мальчик, который был для меня словно брат. Но не хотела я теперь воспринимать его, как своего брата. Он был моим соседом. Он был сыном друзей моих родителей. Он был своим в нашем доме. Своим... но не моим. Он дружил с разными девушками. Я же была для него всего лишь соседкой Юлькой. Своя в доску. Он даже иногда делился своими переживаниями. Своими страданиями, эмоциями, которые испытывал к другим девушкам.

Наверное, я с самого детства научилась притворяться, и

скрывать истинные чувства. Максим меня этому научил. Я его подбадривала, а сама потом, спрятавшись в своей комнате, рыдала, уткнувшись в подушку. Максим не понимал, что я уже не просто друг. Я девушка, которая в него влюблена. А он влюблялся в других. А он добивался других. И ведь добивался.

Именно поэтому, так сказать, назло Максиму я отважилась и позволила влюблённому в меня парню воспользоваться моим телом. Я не жалела. Я тогда вообще не понимала, что такое хорошо, что такое плохо. Мне казалось, я права. Я мстила Максиму. Хотя он об этом не знал. Он воспринял эту ситуацию, как должное. Ведь, по его мнению, мы просто хорошие друзья с ним были. И ревности не могло быть. Он встречался с девушками. Я как бы тоже, была не одна. Хотя, кроме того единственного раза в семнадцать лет с Сергеем, у меня не было подобных отношений. А спустя год, когда мы в подвыпившем состоянии возвращались со дня рождения Ильи, меня охватила паника. Максим скоро уйдёт в армию.

Как я буду без него?

Мне казалось, что между нами может ещё что-то получиться, но из-за армии всё пойдёт прахом. Всё против меня. Как же мне ему признаться в своих чувствах? Что мне делать?

– Юль, ты чего такая молчаливая?

– Да, так. Вот думаю, ты в армию уйдёшь...

– Уйду. Уйду-приду. Чего ты переживаешь?

Я не ответила. Зато случайно поскользнулась и упала.

– Эй, мелкая, ты что, совсем бухая? – стоя надо мной, смеялся Максим.

– Я? Я не бухая, – обиделась я.

– Да по тебе же видно! – никак не мог успокоиться он. – Тебя ноги не держат!

– Я всего пару бокалов выпила. Здесь просто скользко, – уже поднявшись, и отряхиваясь, почему-то оправдывалась я.

И отвернувшись от Максима, пошла дальше. Но, не успев сделать и двух шагов, снова поскользнулась и упала. Лежу. Вставать не пытаюсь. А Максим, не отошедший от моего первого падения, снова захохотал. Но всё же, поспешил меня поднять.

А подняв, стал стряхивать с меня снег. Его рука быстро скользила по моей шубке. И это было очень мило. До тех пор пока он не решил стряхнуть снег с моих брюк. Вернее с моей попки.

На секунду мы оба замерли. И уже больше я не слышала его задорный смех. Максим выпрямился, закурил и произнёс серьёзным тоном:

– Возьми меня под руку. Здесь, действительно скользко.

Так я и сделала. И мы пошли дальше.

– О чем задумалась? – не выдержал и спросил он.

– Да про армию твою я всё думаю.

– А что про неё думать?

– Ты будешь мне писать?

– Конечно. Я всем буду писать.

– Хочешь, я буду тебя ждать? – неожиданно спросила я.

Максим задумался, посмотрел на меня внимательно, и тихо сказал:

– Нет. Не надо.

– Почему? – моя растерянность проявилась в голосе.

– За эти два года многое может измениться. И наша жизнь, и мы сами. Не надо, не жди.

Когда он это говорил, мы уже вошли в подъезд и от этого его последние слова эхом полетели куда-то вверх по лестничным маршам.

«Не жди. Жди... Жди...»

Я становилась. Максим вынужден был остановиться тоже.

– Максим, я хочу... – недоговорив, я замолчала и пристально посмотрела ему в глаза.

– Не говори сейчас ничего.

Он опустил взгляд.

– Максим...

Позвала его, но он так и не отважился посмотреть на меня. И тогда потянула его на себя. Легонько. Но этого было достаточно, чтобы он приблизился и коснулся меня.

– Юль, напрасно ты это делаешь. Ведь я не откажусь, а ты потом жалеть будешь.

Посмотрел мне в глаза. А я совсем захмелела.

– Поцелуй меня.

Моя просьба его не удивила. Он не испугался её. И не заставил повторять дважды.

Обнял, прижал к себе и страстно прильнул к моим губам. Я была ошеломлена переменой в нём. Обхватила его руками за шею и утонула в глубине ощущений.

После первого поцелуя, был второй. Третий... десятый. Кто был инициатором очередного поцелуя, уже не замечала. В угаре чувств и ощущений поплыла, словно лодочка по волнам широкой, могучей реки. Я была на пике удовольствий. И не столько интимных, сколько душевных. Мы целовались, обнимались. Мы были как единое целое. Его неожиданная бурная реакция, сделала меня смелее.

Мы опаляли друг друга теплом дыханий. Это были будоражащие ощущения. Его руки скользили по моему телу прикрытому шубкой. Но ему всего этого было мало. Мало меня. Губ моих мало.

И всё же он прервал поцелуй, чтобы прошептать:
– Юль, надо останавливаться.

Мы стояли в полутёмном подъезде и смотрели друг на друга затуманенными взглядами. Дыхания сбитые.

По его взгляду я видела, что на самом деле, и он отступить не хотел.

Движение только вперёд!

Родители наши укатили на совместный отдых к общим друзьям за город. И в ту ночь, ни меня, ни Максима дома никто не ждал. Мы с ним это знали. Знали, но не решались озвучить предложения, возникшие у каждого в голове. Я молчала, он тоже. Шли секунды, они нас отрезвляли. Мне

казалось, отрезвление сейчас нам во вред. А когда я услышала слова Максима, о том, что надо останавливаться, сникла совсем.

– Ты со мной согласна? – тихо спросил он.

Я не ответила. Он меня медленно повёл к лифту. Я слегка отвернулась, чтобы скрыть смущение. Зашли в лифт.

– Ты не хочешь меня? – всё же задала я вопрос, терзавший меня.

Терзавший с шестнадцати лет.

Мне было сложно понять, что происходит, поэтому я искала разъяснения у Максима. Но он молчит. Смотрит на меня и молчит.

Вышли из лифта, пошли в сторону наших квартир. Я принялась искать в сумочке ключи от своей квартиры. Максим тем временем уже открыл дверь в свою квартиру.

Я на него не смотрю. Я всё ещё занята поисками ключей. Неожиданно, мне на талию ложатся руки Максима. Он стоит сзади. Я больше не ищу ключи. Стою в оцепенении. Но вот Максим меня приподнимает и вносит в свою квартиру.

Оказавшись на его территории, я вновь погружаюсь в ласку. Я во власти его поцелуев, объятий. Наши губы, языки ведут неравный бой за главенство. Наши руки пытаются отвоевать новую территорию на телах друг друга.

Мы целуемся и на ходу раздеваемся. Нам нужно дойти до его комнаты, до его кровати. Прилечь на простыни. И нужно нам сюда вдвоём. Одновременно. Чтоб непременно оказать-

ся вместе. Хотели мы в опале страсти и чувств, быть неразлучными, быть едиными, хотя бы этой ночью. Мы даже не услышали, как тихонько хлопнула входная дверь, ограждая нас от всего мира.

В ту ночь, мы почти не разговаривали.

Единственное, отчетливо помню наш диалог, после первого выплеска потребности друг в друге. Мы лежали в постели. Он меня обнимал и, прерываясь на поцелуи, говорил слова, суть которых я осознала лишь многие месяцы спустя:

– Не жди меня, Юлёк. Не жди. Два года – это очень долго. Ты полюбишь другого. И тебе с ним будет хорошо.

– Но как же? Мы же уже любим друг друга. Я буду ждать тебя.

– Мы друг друга не любим. Это просто симпатия, порыв страсти. Называй, как хочешь. Но не любовь.

– Нет, это любовь! Ты сам не понимаешь, что говоришь! Ты просто сам себя обманываешь.

– Юль, ты красивая. Сексуальная. И ты меня хотела. Мне в армию скоро. Ты только не обижайся, но нет между нами любви. Я не смог устоять. Надеюсь, ты не пожалеешь, что позволила мне тебя внести в квартиру.

– А сам ты об этом не пожалеешь? – огрызнулась я.

– Никогда.

Он вновь меня поцеловал. Прижал к себе и глубоко вздохнул. Мы ещё долго так в обнимку лежали. И молчали. Не засыпали. Думали, каждый о своём. Он гладил меня по спине.

Целовал, то в губы, то в шею. Я была в растерянном состоянии. Мне было и радостно, и горько.

Я хотела – я добилась.

Но чего-то другого я хотела. Чего-то другого я добилась.

Максим продолжал диктовать условия. Лишь его желания были приоритетны. Он хотел и он получал. Я была лишь податливым пластилином в его руках. Ведь я была уверена, что создана для него. Он создан для меня. Что его неразумные слова о том, что между нами не любовь, это всего лишь его заблуждение. Его неуверенность в себе, во мне. Что скоро, очень скоро он прозреет и поймёт – я, есть только я.

Я прощу ему заблуждения.

Прошу, что не увидел моих мучений, страданий и жертв. Ведь я его люблю.

– Максим, я тебя...

Он накрыл мой рот своими губами и не позволил мне признаться в своих чувствах. После этого поцелуя был другой. Потом его руки настолько меня возбудили, что думать, тем более разговаривать, я уже не могла. Я принимала его ласку, его страсть и впервые в жизни испытала пик сексуального удовольствия.

Прошло пару месяцев с той единственной ночи. Максим больше не оставался со мной наедине. Сейчас я понимаю, он избегал меня. Избегал моих слов, моего взгляда. Он так

и ушел в армию, не поговорив со мной. Я даже не смогла его поцеловать на прощание у автобуса. Наши родители были рядом. Они подбадривали Максима, давали какие-то напутствия. А я стояла, как статуя, и прятала дрожащие руки в карманах. Максим подошел к автобусу, улыбнулся, подмигнул мне на прощание и скрылся.

Дальше всё было, как в тумане.

Полночи прорыдала. Мне казалось, я его потеряла навсегда.

Потеряла... Странно, ведь потерять можно лишь то, что тебе принадлежит. Но Максим мне никогда не принадлежал. Та единственная ночь, она и грела мне душу и надрывала её одновременно.

Было... Но было что? Секс по пьяни? Грубо. Такая формулировка мне не нравилась. И я гнала её прочь из своей головы.

Любви в ту ночь тоже не было. По крайней мере, с его стороны, о любви речи не шло. Напротив, он даже мне запрещал думать, что я его люблю. Почему? Этот вопрос меня тоже тревожил. Но я решила, что свою любовь к нему смогу оградить от всех нападков. От всех обстоятельств. Пусть Максим ещё не видит моих чувств к нему. Но их вижу я. И я не стану их душить.

Любовь во мне крепла, разрасталась. Заполняла все уголки моей души.

Я полностью погрузилась в учёбу и вскоре стала одной

из лучших первокурсниц на экономическом факультете областного университета. Наверное, я во всём, как говорится, в омут с головой. До истощения. Я мало ела и спала, и всю себя тратила на учёбу. Мне было так легче жить. Жить без Максима. Теперь он не встречался мне в подъезде, не приходил в гости и не звонил. Мне его не хватало. Как воздуха высоко-высоко в горах. Я задыхалась. А однажды так и вовсе упала в обморок на занятиях.

Первая мысль, когда меня привели в чувства, была – я беременна!!! Но... это была неправда. Это была просто мысль запаниковавшей девушки. Подруги подсмеивались надо мной. Но тоже понимали, что быть беременной я не могла. Для всех я была зубрилкой. Я не посещала дискотеки. И вообще не дружила с парнями. Даже с парнями-однокурсниками не общалась. Ограничивалась лишь приветствиями. Ребята ко мне не проявляли интерес. Я изначально вела себя с ними сухо. И выстроенную мною субординацию никто из них не пытался нарушить.

И всё же, в тот день, когда я упала в обморок, мне было до боли в сердце обидно, что я не беременна. Конечно, это глупо. Ведь ребенком я не смогла бы привязать к себе Максима. Но тогда мне казалось, что если бы я родила от него ребёнка, я была бы счастлива. Мне было 18 лет, мне были простительны такие мысли.

Долго я ждала письмо от Максима. Ждала напрасно. Он писал лишь родителям, и то нечасто. Через полгода со дня

его ухода в армию, мне повезло, в руки попало его письмо к родителям. Так я узнала адрес его части. И с того дня начала писать ему письма. Писала понемногу ежедневно. За неделю получалось два-три листа. У меня появилась традиция, каждую субботу относила своё письмо, адресованное Максиму, на почту. И так полтора года. Ни одного письма от него мне не пришло. Единственное, что я эхом получала, так это общий привет моей семье, который Максим передавал (а может, на самом деле, и не передал) через свою маму.

Наши мамы были хорошими подругами. Они сдружились ещё, будучи беременными. Потом почти одновременно их увезли в роддом. А когда мы с Максимом умудрились родиться в один день, с разницей лишь в пару часов (Максим первый) вот тут совсем наши семьи стали не разлей вода.

Но я стеснялась проявить свои чувства к Максиму. Скрывала их от своей мамы. И от мамы Максима тоже. От всех. Даже Максиму о них не писала. Я думала, он вернётся и тогда, посмотрев ему в глаза, всё скажу. И по его глазам всё пойму. Пойму, нужна ли ему? Верит ли он в мои чувства? Не в тягость ли я ему?

Больше всего я боялась обременить его. Ведь он для меня был словно большая белая птица, которая может лететь, куда пожелает. Я готова была ждать его. Ждать безропотно. Конечно, я мечтала, что однажды он прилетит и заберёт меня с собой в мир, где мы совьём наше уютное гнездо и будем счастливы. Но... Мечты, мечты...

Прошло два года. Я исправно училась, Максим служил.

Он дослужился до старшего сержанта и весной должен был вернуться.

Должен... Как оказалось, никому он ничего не должен. Он в очередной раз поступил так, как желал сам. А желал он продолжить службу. Уже по контракту. Уже на других условиях. Но служить. Возможно, отучиться в каком-нибудь военном учебном заведении и посвятить себя защите Родины.

Благородно...

Я от его мамы об этом случайно узнала, когда она всё это рассказывала моей маме, сидя на кухне. Сначала не поверила. Подсела к ним за стол и переспросила. Мама Максима, тётя Тома, мне подробно пересказала письмо от сына. Я потом ещё долго думала, над её словами. Она была расстроена. Горда за сына, но расстроена. Отец Максима, Иван Матвеевич Руднёв, не проявлял своих эмоций. Он был человек очень сдержанный. И по его поведению, скупым словам, невозможно было понять, рад он на самом деле или, так же как и я, в шоке.

Но однозначно, новость о планах Максима на дальнейшую жизнь, была потрясением для семьи, как Максима, так и моей. Что я испытала за те дни, невозможно описать. Мне казалось, меня предали. Разрушили очередные надежды. Выбили почву из-под ног. Я не ела, не спала. Писала Максиму письма. Только их уже не относила на почту. Я их сжигала. Писала по ночам, а утром перечитывала и сжигала.

Мои родители, почувствовав палёный запах в моёй комнате, стали подозревать, что я начала курить. И тогда мне пришлось сжигать письма далеко от дома. Их я не хранила, они были слишком эмоциональными. В них была злость, отчаянье, горечь. И нежность, которая заставляла меня жить и не опускать руки.

Максиму с тех пор не отсылала писем. Он должен был вскоре приехать в отпуск. Приехать, чтобы уехать на неопределённый срок. Мне казалось, уехать навсегда.

Вообще в юности всё кажется фатальным.

Навсегда. Никогда. Нам кажется, мы властны или наоборот абсолютно не властны над временем, обстоятельствами. Юность – удел максималистов! Я была не исключением.

Думала, в этот раз он уедет НАВСЕГДА, и я НИКОГДА его больше не увижу.

«Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду» – из оперы «Юнона и Авось». Слушаю и плачу. Голос Караченцова до сих пор вызывает дрожь во мне. А ведь, сколько лет прошло...

Максим приехал в отпуск. Так сказать, на побывку.

Я когда об этом узнала...

Ничего я не сделала. Два года его ждала из армии, а в последний момент дрогнула.

Вечером нас пригласили к Руднёвым. Идти туда я боялась.

И всё же пошла. Максим открыл нам дверь. Мои родители, его как родного обняли, поцеловали, принялись что-то с порога расспрашивать. Я замешкалась, так и не решаясь войти.

– Юль, ну, ты где? – крикнула мне мама, уже входя на кухню.

– Иду, иду, – заверила я, а сама стала отступать от квартиры Руднёвых.

Я увидела возмужавшего, похорошевшего Максима, и мне стало не по себе. Вот о чём он меня предупреждал. Два года. Это действительно много, когда не видишь человека. Перемены в нём меня потрясли. Он стал ещё лучше. Еще красивее.

А я?

Хотелось забиться в шкаф и не показываться ему на глаза.

– Ты куда? – услышала его голос, находясь на лестничной площадке.

– А... я...

– Забыла что-то?

– Ага.

Не оборачиваясь в его сторону, дрожащими руками отмыкала дверь в свою квартиру. Дверь поддалась моему натиску, и я буквально влетела домой. Заскочила в ванную комнату и принялась умываться. Жар обдавал меня изнутри.

Находясь в этом угаре, не заметила, как дверь в ванную комнату тихонько приоткрылась, и Максим рукой легонько коснулся моей спины.

– С тобой всё в порядке? – спросил он.

От испуга я резко дёрнулась и шибанула его по носу ладонью. Он взвыл и накрыл лицо руками.

– Ой, прости! Прости, пожалуйста, – запричитала я и принялась лихорадочно вспоминать, что нужно делать при травме переносицы.

– Не суетись! – скомандовал Максим и подвинул меня в сторону.

Открыл холодную воду и стал умываться. Он почти вжал меня в стену. Вернее, я сама туда вжалась. Отвернулась и затаила дыхание.

– Юль, ты боишься меня?

– Нет, – поспешно ответила я и опустила глаза.

– Тогда почему так странно себя ведёшь?

Он закрыл воду и теперь стоял прямо напротив меня.

– Мне в глаз соринка попала, и я вернулась домой, чтобы глаз промыть, – сочиняла я.

– Неужели? То забыла что-то, теперь в глаз соринка попала?

Я промычала. А он положил руки мне на плечи.

– Ну, привет, что ли? – спрашивает, а сам улыбается.

И голос такой мягкий-мягкий.

– Привет.

Робко посмотрела в его глаза. По моим щекам против воли потекли слёзы. Макс прижал к себе и стал гладить меня по спине.

– Юлька, Юлька... я думал ты... А ты.

А я, уткнувшись в его рубашку, пуще прежнего разрыдалась.

– Юль, – прошептал он, – Перестань. Ну, чего ты?

Когда мои всхлипывания затихли, отважилась спросить:

– Ты скоро опять уедешь?

– Да.

– Надолго?

– Да.

– А как же... – я не решилась спросить.

– Ты? – Максим прекрасно понял, о чём я хочу спросить.

А я вновь зарыдала.

Есть «я», есть «он». Но нет никаких – «мы». И это осознать мне было больно.

– Тише, тише, – принялся успокаивать меня Максим. – Юль, перестань.

– Не могу, – искренне призналась я.

Он приподнял мой подбородок и заглянул в глаза. Вид у меня, наверное, был жутким, поскольку Максим снял первое попавшееся полотенце с крючка, и принялся им вытирать моё лицо.

– Юлька-шпулька! – вспомнил он моё детское прозвище, которое сам же и придумал. – Немедленно прекращай рыдать. Иначе накажу!

– Ты меня уже и так наказал.

– Юль... – он понял, о чем я, но оправдываться не стал.

Провёл ладонью по моей щеке и...

И я его поцеловала.

– Может не надо этого делать? – спрашивает, а сам продолжает касаться моего лица своей ладонью.

– Может и не надо... а хочется.

Едва успела я это сказать, как его губы натиском завладевают моими губами. Этот поцелуй я никогда не забуду. Столько страсти и возбуждения можно передать через поцелуй, только если его ждёшь два года. Два года... Немыслимо. Но я тогда ещё просто не знала, что следующего поцелуя мне ждать гораздо дольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.